

Рябцевич, В. Н. Клады: атрибуция, классификация, интерпретация (этнографическо-нумизматический очерк) / В. Н. Рябцевич // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2 / Рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 104–120.

В. Н. Рябцевич

**Клады: атрибуция, классификация,
интерпретация (этнографическо-
нумизматический очерк)**

*Раз в месяц или год
В какой-нибудь из точек мира
Находят старый, в трещинах горшок,
А в нем — сестерции иль гульдены,
Дукаты, талеры иль куча пражских грошей...*
Людвик Ашкенази. Деньги

«Хочу с вами посоветоваться. Я знаю, где спрятан клад. Он был заложен в 1914 году в доме престарелых в углу на первом этаже. Помещик, который строил этот дом, первый этаж делал из кирпичей, чтобы между кирпичей поместить клад. Поместил его, примерно, на половину этажа, ну а второй сделал из бревен. Когда он закладывал золото, то специально купил вина в деревне за 4 километра от этой. Вина была целая бочка. Потом напоил этих мужиков, которые строили дом (наверно, чтобы забыли про клад).

Сейчас в этом доме школа. В прошлом году она сгорела. Сейчас в ней не учатся. Как мне с этим кладом быть?» (из письма, полученного мною в феврале 1982 г. от В. Ефремова из дер. Карабиха Ярославских р-на и обл.).

В январском 1983 г. письме этот же корреспондент сообщает: «Бабушка [1905 г. рожд. — В. Р.] говорит, что от деревни [Карабихи. — В. Р.] в километрах трех есть место, где зарыт клад... Зарыт он был давно и неизвестно кем... И мой прадедушка на то место ходил тоже копать: говорил, что, когда стучишь, что-то звенит, а начнешь углубляться, клад дальше в землю уходит... приезжали на то место нерусские и начали искать клад. Вырыли большую яму метра 4 глубиной и метров 7 шириной, но ничего не нашли...

На то место по вечерам ходили гулять, потом стали говаривать, что по ночам огненный шар катается по яме. Стали побаиваться того места...

Еще бабушка говорит, что клады могут превращаться в кошку или собаку, и, если стукнешь по ему, то он рассыплется в золото...».

Столь незамысловато-простодушные письма не заслуживают сколько-нибудь серьезного внимания лишь на первый взгляд: в действительности, такого рода «документы» — вполне весомые, полноценные источники для исследований в сфере фольклористики, этнографии, нумизматики.

Сокровище, клад... Сами эти понятия не случайно означают нечто сокровенное, сокрытое в неизвестном никому, кроме владельца, тайнике. Трудно представить человека, равнодушного к захватывающим историям о несметных богатствах, спрятанных некогда пиратами или их сухопутными братьями — разбойниками, у берегов глухих лесных озер или в болотах, в мрачных подземельях или пещерах, в курганах или под валунами, в руинах церквей или замков... Тема клада прочно обосновалась в устном народном творчестве, в произведениях писателей и поэтов, уступая по своей популярности лишь теме любви.

Клад в народных поверьях — нечто одухотворенное. Он дает знать о себе вспыхивающим над землей огоньком, выходит на поверхность в антропоморфном (человекообразном) или зооморфном (кошка, собака, волк, барашек, конь, петух, утка) обликах.

Клады делятся на злые (заговоренные, заклятые) и добрые (благополучные). Первые заговорены хозяином в момент сокрытия (из белорусского фольклора: «Кто будет мертвым пахать, тот эти деньги получит», «Кто тут сына убьет, тот эти деньги возьмет», «Кто в эту яму человечью голову положит, того и деньги», «Кто на живой змее приедет, тот и деньги возьмет»).

Овладение злым кладом становится еще более мудреной задачей, если он находится под опекой потусторонних темных сил, представленных, помимо заурядных чертей, «нечистиками»:

— Палявік — специализируется на страже сокровищ, зарытых в поле; выступает в виде ледяной тени, убийственной жары или громоподобного хохота.

— Лесавік (Пушчавік, Ляшук, Лешы) — властитель лесных кладов; появляется, чаще всего, в облике старца с белым «берестяным» лицом и свинцово-синими глазами.

105

— Багнік (Дрыгавік) охраняет богатства, скрытые в болотной трясине; внешне ничем себя не проявляет.

— Кладнік (Кладавік) — ведает кладами приусадебной земли; одет в серебряную сермягу и лапти, золотые шапку и пояс, опирается на серебряный посох с золотыми навершием и острием; характерная черта — чрезвычайная скупость: в серебряной торбе носит выпрошенные у людей корки хлеба.

Нейтрализовать (или ограничить) действенность заклęcia и могущество потусторонних сил кладоискателям помогали рукописные пособия.

Травники — своеобразные «реестры» растений и инструкции по их применению:

— Папараць (папаратка, качадыжнік); цветет в купальскую ночь (24 июня по старому стилю); цветок в виде синеватого огонька, сорванный и брошенный в воздух, опускается на месте сокрытия клада.

— Плакун-травя («усім травам бацька [маці]») заставляет нечистую силу плакать. Если привязать ее к немому петуху, то он обретет голос и закукарекает, остановившись на месте денежного захоронения.

— Разрыў-травя (прыгун, спрыг, скакун) обладает способностью взламывать любые замки и запоры — «без нее никакого клада вынуть не можно»; искать ее следует там, где с пасущейся лошади спадают железные путы или при косьбе травы ломается коса; добыть ее можно, замазав глиной гнездо сороки, совы или сойки, оградив колышками нору ужа или черепахи; птицы и земноводные, лишенные доступа в свои жилища, приносят к ним разрыв-траву.

Вызывные книги — рукописные сборники с формулами обращений, как правило, к нечистым силам с предложением обмена своей души на деньги (например, для вызова лесовика следует, стоя на осиновом колу и обратившись лицом к северу, воззвать: «Кажись ни волком-зверем, ни вороном-птицей, ни деревом иглистым, а таким, как я сам!» и ждать появления «нечистика» с кладом).

Росписи, чаще всего, по-деловому прозаичны, лишены мистической окраски (например, «Там, дзе ад шляху пашла паваротка на зяленую параслю, у правую руку, як ісці ад Рэчыцы к Хойнікам, у калодзезі вялікі браварны казан, поўны грошай, пакрыты мхівым каменем»).

106

Известны и другие пути к овладению замороженными сокровищами:

— Увидев клад-огонек, следует перебросить через него первое, что окажется под рукой (например, шапку или нож; в первом случае деньги окажутся на глубине в рост человека, во втором — в половину роста).

— При встрече с антропоморфным или зооморфным кладом следует, воскликнув «аминь!», ударить его, и он превратится в россыпь золотых или серебряных монет.

— Заметив, как «нечистик» вынимает из земли клад для просушки, необходимо улучшить момент его отлучки и, не медля, забрать сокровища.

Ключом для открытия тайника с сокровищем могли послужить «выгарак» (обоженная с обеих сторон лучина), «кутны» (коренной) зуб повешенного, свеча из жира человека или восковая, стоявшая в изголовье покойника при его отпевании и т. п.

Овладение злым кладом неизбежно оборачивалось бедствиями для находчика и его близких...

Добрые клады «даются» лишь добропорядочным людям. Фольклор белорусов обычно связывает их с «дедками»-благотворителями:

— Дзедзя — нищий с огненно-красными бородой и глазами. Встретив бедняка, наводит на него сон и кладет рядом деньги. Иногда его голова, издали похожая на огонек, появляется над местом сокрытия клада; стоит перебросить через него шапку или, хотя бы, собственный волос, и сокровище выйдет на дневной свет.

— Бялун — старик, живущий в придорожной ржи и страдающий насморком. Завидев путника, выходит на дорогу и просит утереть ему нос. Если просьба выполнена ладонью, то она наполняется монетами, если платком — то покрывающими его деньгами. При прикосновении к Белуну со словом «рассыпся!» он превращается в груды монет.

— Купальскі дзядок — старичок с наполненным цветами и травами лукошком; если почтительно развернуть перед ним скатерть, он бросает на нее «папараць-кветку».

Понятие «клад» легло в основу многих пословиц и поговорок («Закапаў скарб — закапаў спакой», «Чужой схоўкі не скоро знойдзеш», «Заплаціў як чорт за папараць», «Багаты грошы збірае, а чорт машну гатуе», «Нашто мне клад, калі мае дзеці ўлад»).

Кладовые сюжеты фольклора — зеркальное отражение реальной действительности, расцвеченной народной фантазией...

* * *

Денежные тайники открываются, как правило, самым прозаическим образом — при пахоте, строительных, дорожных, мелиоративных работах. Порою, однако, происходит это и при необычных обстоятельствах, когда в роли открывателей древних сокровищ выступают представители фауны или природная стихия:

— Гор. Борисов. 1845. В гнезде стрижа обнаружены монеты XVI в.; очевидно, птица, привлеченная блеском выпаханного и незамеченного людьми серебра, перенесла его в свое жилище.

— Дер. Любовша Барановичского р-на. 1888. Крот выбросил на дневную поверхность монеты I—II вв.

— Трижды зафиксированы случаи, когда свиньи выворачивали из земли горшки с монетами XVII в. (гор. Слуцк. 1921; дер. Веска Старобинского р-на. 1961; дер. Отрубок Докшицкого р-на. 1963).

— Дер. Копачевка Борисовского района. 1967. Пасшаяся на лугу корова ударом копыта «вскрыла» тайник с монетами XV — начала XVI в.

— Пос. Косаляки Кормянского р-на. 1964. Ливень вымыл из земли клад IX в. и «вымостил» им лесную дорогу.

Случается, что народная молва верно «угадывает» место сокрытия сокровища:

— Дер. Раковцы Сморгонского р-на. 1971. По издавна бытовавшему поверью, под ледниковым валуном был спрятан клад. При строительных работах бульдозер сдвинул камень, под которым оказался денежный депозит X в.

— Дер. Дегтяны Копыльского р-на. 1957. Местное предание утверждало, что под крестом на окраине зарыт клад. При благоустройстве улицы здесь, действительно, найдены монеты X—XI вв.

Клады — материальные свидетельства широко (вплоть до XIX в.) распространенного обычая хранения ценностей, обыденность которого демонстрируется содержанием и характером монетных захоронений:

— Подавляющее большинство кладов — весьма скромные для своего времени сбережения, что свидетельствует о принадлежности их широким малоимущим слоям населения.

— Депозиты, как правило, тщательно упакованы — заключены в глиняном или металлическом сосуде, завернуты в ткань, кожу или бересту; нередка и комбинированная «тара» — монеты обернуты тканью, а затем помещены в сосуд, горлышко которого залито воском, смолой или накрыто камнем.

— Обычно клад, залегающий на небольшой (0,2—0,5 м) глубине, реже — глубже (1—1,5 м). В первом случае он, несомненно, тезаврировался с мыслью о скором изъятии, во втором — укрывался длительное время.

— Иногда сосуд явно несоразмерен с содержимым, представленным лишь несколькими монетами, но на внутренних его стенках прослеживаются патинированные монетные следы. В этом случае очевидно, что владельцем изъята его основная часть, а сосуд оставлен как «сейф» для будущих вкладов.

— В XVI в. сформировалась особая отрасль гончарного ремесла, специализировавшаяся на изготовлении разнообразных по объему и форме кубышек для кладов.

— Издревле в кодексы гражданского и уголовного права, юридически классифицировавшие лишь наиболее частые, типичные казусы, включались посвященные кладам статьи (например, «О найденной скрбу захованого в земли або в яком поклажею» в Статутах Великого княжества Литовского 1566 [Раздел 9, артикул 20] и 1588 [Раздел 9, артикул 30]).

— Актовые документы нередко излагают протоколы судебных тяжб между владельцами земли, на которой открывались клады, и их находчиками.

Тревожная обстановка вынуждала людей чаще, чем обычно, вверять свои сбережения земле. Однако резкая интенсификация превращения обращавшихся монет в неподвижное сокровище при сильном общественном потрясении (войне, вражеском нашествии, междоусобицах, народном восстании) ограничивалась временными рамками этого потрясения (если оно было непродолжительным) или сроком, необходимым населению для сокрытия основной массы ценностей (если оно длилось долгое время).

Таким образом, усиление тезаврирования денежных средств как следствие бурных событий не всегда может характеризовать целый период товарно-денежного обращения, зачастую являясь лишь его эпизодом.

Вопреки бытующим представлениям, клады, отнюдь, не относятся к редким памятникам прошлого. Почему же деньги, изначально предназначенные для рыночной жизни, столь часто меняли ее на затворничество в тайниках? Чем объясняется «многонациональное» содержание большинства древних депозитов? Кем и при каких обстоятельствах сокрыт тот или иной клад? Почему он остался невостребованным? — эти вопросы неизбежно возникают при исследовании процессов тезаврации сокровищ...

Рынок — арена непрерывного противоборства товаров и денег. Реализуя цену товара, деньги вытесняют его в сферу потребления и, переходя из рук в руки, продолжают борьбу с новыми товарными поступлениями.

Общая денежная сумма, требующаяся для нормального функционирования рыночных механизмов — величина непостоянная. В зависимости от колебаний масштабов товарного обращения и интенсивности процессов купли-продажи, она, будучи достаточной сегодня, может оказаться недостаточной или, напротив, слишком значительной завтра. Этот дисбаланс устраняется оседанием денег в резервных фондах, которые, в зависимости от рыночной конъюнктуры, остаются стабильными, увеличиваются или уменьшаются. Так возникают регуляторы денежного обращения —

клады.

Часто высказываемое убеждение, что каждый клад иноземных монет — «визитная карточка» зарубежного купца, опровергается следующими фактами:

— Значительная часть открытых депозитов зафиксирована на территориях локальных рынков, удаленных от наиболее значительных торговых путей и выросших вдоль них крупных экономических центров.

— Ювелирные изделия местного производства в денежно-вещевых кладках.

— Преобладание «бедных» тайных сбережений.

— Многочисленные упоминания письменных источников об иноземной монете как привычном средстве местного денежного обращения.

— Большинство известных ныне кладов состоит из монет различных государств. Отнесение их к собственности иноземных купцов логически приводит к абсурдному выводу, сводящемуся к тому,

что сокрыты они интернациональными бригадами «гостей» из разных стран.

В качестве типичных образцов «многонациональных» депозитов привожу сведения о двух их них:

— Дер. Дегтяны (см. выше). Денежно-вещевой клад серебряных ювелирных изделий и монет (порядка 7000 экз.), большая часть которых расхищена в момент находки. Сохранились фрагменты 21 украшения и 320 монет — дирхамов Арабского халифата и денариев Венгрии, Дании, Чехии, Баварии, Рейнланда, Саксонии, Тюрингии, Франконии, Швабии, Фрисландии, Лотарингии. Время сокрытия — ок. 1050 (атрибуция Гос. Эрмитажа и Нумизматического кабинета БГУ. Хр.: Нумизматический кабинет БГУ, Национальный музей истории и культуры Беларуси).

— Гор. Могилев. 1936. 470 золотых монет — цехины Венеции и дукаты Модены, Савойи, Австрии, Каринтии, Тироля, Швейцарии, Венгрии, Трансильвании, Чехии, Голландии, Гельдерна, Давентера, Зволле, Зеландии, Кампена, Оверэйсела, Утрехта, Фризии, Брабанта, Брауншвейга, Гамбурга, Зальцбурга, Кельна, Любека, Майнца, Нюрнберга, Ростока, Саксонии, Франкфурта, Ульма, Штральзунда, Бреслау, Данцига, Торна. Время сокрытия — нач. 1690-х гг. (атрибуция Гос. Эрмитажа. Хр.: Гос. Эрмитаж).

Итак, иноземная монета, покидавшая родину, обосновывалась в денежном хозяйстве другой страны на правах стоимостно паритетного ей того или иного номинала местной монетной системы.

Существуют два основных мнения по вопросу о причинах большей или меньшей степени концентрации монетных находок. Согласно первому из них, возрастание количества кладов — следствие упадка экономики государства. Часть исследователей, напротив, считает это явление бесспорным свидетельством активной рыночной жизни. Кажущаяся противоречивость этих умозаключений объясняется тем, что они изолированно рассматривают две неразрывные стороны одной и той же медали...

При захирении экономики сужаются масштабы товарного производства. Это влечет за собой угасание импорта иноземных и эмиссий собственных монет, а значительная их часть, покидает рынок, уходя «до лучших времен» в тайники. Но для того, чтобы этот металлический поток мог уйти под землю, необходим источник, который подпитывал бы его. Таковым мог быть только разви-

той товарный рынок, оперировавший большими денежными суммами.

Следовательно, упадок экономики на определенной территории может выразиться в резком возрастании количества монетных захоронений лишь при условии, что она обладала ранее развитыми товарно-денежными отношениями.

Крайние даты сокрытия большого числа синхронных (относительно, разумеется) кладов могут служить лишь вехой, определяющей начало упадка, но не сам упадок, который выражается в прекращении систематических монетных поступлений на рынок.

Таким образом, общее количество кладов, относящихся к определенному периоду, характеризует уровень экономического развития территории, сокрывшей их.

Процесс исследования клада двуэтапен — атрибуция каждой монеты (государственная принадлежность, эмитент, монетный двор, номинал, дата чеканки, метрологические и качественные характеристики) и установление времени сокрытия.

Последняя задача зачастую оказывается наиболее сложной — если *terminus ante quem* non изначально очевиден (клад спрятан не ранее года выпуска младшей из монет), то при определении *terminus post quem* приходится учитывать ряд негативных факторов:

— Тот или иной вид монеты мог обращаться на определенной территории значительный отрезок времени без притока его более поздних эмиссий.

— Монета могла поступать из одной страны в другую десятилетия спустя после ее выпуска.

— На монетах I—XV вв. отсутствует обозначение года чеканки, поэтому при их датировке приходится ограничиваться хронологическим диапазоном правления эмитента.

Вследствие этого при установлении возраста клада первостепенное значение приобретает сопоставление его с другими, близкими ему по возрасту и содержанию депозитами.

Денежные и денежно-вещевые клады представлены несколькими категориями:

- Утраченные (оказавшиеся в тайнике вопреки воле владельца).
- Возвратные (спрятанные с намерением их изъятия в будущем).
- Безвозвратные (сокрытые «навечно» культовые жертвоприношения божествам).
- Кратковременного накопления («домашние», личные).

— Длительного накопления (княжеские, монастырские, купеческие, разбойничьи сбережения).

— Чрезвычайных обстоятельств (сокрытые в спешке, зачастую в небрежной упаковке или без нее).

Уникальность (в буквальном смысле этого слова) реликтов денежного обращения выражается, прежде всего, в полном отсутствии среди них «близнецов»: каждому кладу присуще собственное «лицо», отличное от облика иных депозитов хотя бы одной из черт — количеством монет, набором номиналов, именами эмитентов или монетчиков, монетными дворами, хронологическими диапазонами между старшей и младшей монетами, вещевой частью, видом упаковки...

Порою содержимое клада или особенности способа его сокрытия позволяют судить не только о социальном статусе хозяина, но и о характере его повседневной деятельности или о конкретной причине тезаврации:

— Дер. Брили Борисовского р-на. 2000. В правобережной пойме Березины на донном песке под дерновым слоем открыты компактно расположенные скандинавские меч, шейная гривна, 10 гирек-разновесов для взвешивания благородных металлов и 290 серебряных монет — дирхамов Арабского халифата. Вещевая часть комплекса убедительно свидетельствует, что хозяином его был викинг, пораженный и сброшенный с ладьи в ходе вооруженной стычки. Время «сокрытия» — между 890 и 892 (атрибуция Нумизматического кабинета БГУ. Хр.: Национальный музей истории и культуры Беларуси).

— Дер. Козьянки Полоцкого р-на, правый берег Западной Двины. 1973. Клад, завернутый в бересту. Большая его часть разошлась по рукам. Известны 7711 серебряных монет — дирхамов Арабского халифата, эмитированных городами Северной Африки, Ближнего Востока, Ирана, Закавказья, Афганистана, Центральной (Средней) Азии. Это сокровище — разбойничья казна, пополнявшаяся, несомненно, за счет «гостей», пливших по «пути из варяг в греки». Время сокрытия — 944—945 (атрибуция Нумизматического кабинета БГУ. Хр.: Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник).

— Дер. Горовляны Глубокского р-на. 1965. 119 серебряных целых и фрагментированных монет (118 — дирхамов Арабского хали-

фата, 1 денарий Чехии), 64 фрагмента серебряных ювелирных изделий. Среди монет лишь 16 целых экземпляров, 10 из которых имеют приклепанные ушки, а на 17 обломках пробиты отверстия — иными словами, до фрагментации они использовались в качестве подвесок-украшений.

Метрологическая бессистемность монетных фрагментов однозначно свидетельствует о малопригодности их к выполнению денежных функций. Это обстоятельство, в сочетании с довольно разнообразным набором фрагментированных украшений, убеждает в принадлежности депозита ювелиру, для которого монетная часть и обломки ювелирных изделий являлись производственным сырьем. Время сокрытия — конец X в. (не ранее 999) — первое пятилетие XI в. (атрибуция Нумизматического кабинета БГУ. Хр.: Национальный музей истории и культуры Беларуси).

— Дер. Стражевичи (I) Чашникского р-на. 1989. 216 целых и фрагментированных (в большинстве) серебряных монет (48 дирхамов Арабского халифата, 169 денариев Англии и Германии), 31 фрагмент ювелирных изделий (серебро, серебро золоченное, электр), 14 серебряных разновесных слитков неправильной формы и 15 обрезков серебряной проволоки. Представляется, что это — запас ювелирного сырья. Время сокрытия — ок. 1040 (атрибуция Императорской Археологической комиссии [СПб.]. Большинство монет и ювелирных изделий поступили в музей

Могилевского губернского статистического комитета, остальные — переданы С.-Петербургскому Монетному двору для сплавки).

— Дер. Стражевичи (П). 1903. 318 серебряных монет (46 дирхамов Арабского Халифата, 272 денария Англии, Германии, Дании и других государств), 2 золотых и 2 серебряных (1 представлен 4-я фрагментами) изделия, 1 плоский золотой и 3 серебряных граненых слитка (1 — в 2-х фрагментах), серебряные 4 «обрубка» и проволока. Не исключено, что этот депозит принадлежал тому же ювелиру, что и находка 1898 г. Время сокрытия — ок. 1045 (атрибуция Императорской Археологической комиссии. 6 дирхамов поступили в Эрмитаж, остальная часть клада распределена между музеями Могилевского губернского статистического комитета и Варшавского университета).

— Дер. Вишин Рогачевского р-на. 1979. Археологическая экспедиция БГУ при исследовании раннефеодального замка, разрушено-

114

го в XIII в., между валунами основания крепостной стены нашла лишенный упаковки денежно-вещевой комплекс. Он состоит из платежных слитков (гривен-рублей) и половинных их обрубков (полтин) трех типов — литовского (8 гривен, 1 полтина), киевского (8 гривен), новгородского (2 гривны, 1 полтина) и женских украшений — браслетов, колтов, шлемовидных и криновидных подвесок, рясен и бус, выполненных в технике скани, зерни, перегородчатой эмали, черни, золочения. Богатство этого депозита позволяет высказать предположение, что спрятан он при штурме замка супругой вишинского феодала. Время сокрытия — конец 1 трети XIII в. (атрибутирован и хранится в Нумизматическом кабинете БГУ).

— Гор. Полоцк. 1997. Крупный клад, расхищенный на месте обнаружения. Известны 14 монет — 11 медных (некоторые — со следами лужения), 2 биллоновых и 1 высокопробного серебра. Типологический, стилистический и палеографический анализы привели к заключению, что эталоном для их изготовления послужили биллоновые шиллинги магистра Ливонского ордена Германа ф. Брюнгеня (1535—1549); над вырезкой штемпелей трудились два человека — высококвалифицированный мастер и абсолютно невежественный подмастерье; чеканщики не утруждались приготовлением лигатурного сплава и пускали в дело подвернувшиеся под руку металлические изделия или лом (напр., одна из выбитых в серебре монет имеет пробу 999° [подлинный шиллинг — менее 300°], т. е. по реальной стоимости более чем в 3 раза превосходит свой прототип: в истории фальсификации денег — случай исключительный!). Изготовлены эти монеты, несомненно, в Полоцке на подпольном монетном дворе, усердная деятельность которого документально зафиксирована еще в конце XV в. — грамотой магистра Иоганна Фрайтага ф. Лорингхофе от 25 января 1493 г. («... некие русские приехали в Ригу из Полоцка, который в Литве, и имели с собой фальшивые шиллинги, чеканенные по образцу наших... подобных монет выбито половина ластва [960 кг, т. е. порядка 835000 экз. — В. Р.]»).

Этот, не имеющий аналогов в мировой нумизматике депозит, так и не успел включиться в рыночную жизнь, ибо большая его часть состояла из медных полуфабрикатов, придание которым серебряного облика путем лужения не было доведено до конца. Время сокрытия — между 1540 и 1550 (атрибуция Нумизматического кабинета

115

БГУ. Хр.: Нумизматический кабинет БГУ — 6 экз., Национальный музей истории и культуры Беларуси — 1 экз., Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник — 1 экз., частные коллекции в Бресте и Минске — 6 экз.).

— Гор. Рогачев. 1971. Более 1000 монет, завернутых в ткань. Ныне известны 485 экземпляров — примитивных фальсификатов 1/12 талера Пруссии 1766 г. (135 экз.), 10-грошовиков Королевства Польского (в составе Российской империи) 1830—1831 гг. (79 экз.) и 10-грошовиков 1831 г., отчеканенных в осажденной российской армией Варшаве при подавлении национально-освободительного восстания 1830—1831 гг. (271 экз.).

Все монеты, так и не выпущенные в обращение, изготовлены из меди (многие — со следами лужения), хотя их прусский прототип эмитировался в высокопробном серебре, а польские — в биллоне. Остается лишь гадать, что же побудило фальшивомонетчика к столь бессмысленной экономически и крайне рискованной политической акции: ведь большинство его фабрикаций

имитировало монеты, изымавшиеся из обращения и квалифицировавшиеся официальной документацией эпохи Николая I как «мятежные» и «революционные»! Аналогов этому депозиту мировой нумизматикой не зафиксировано. Время сокрытия 1831 — нач. 1832 (атрибуция Нумизматического кабинета БГУ. Хр.: Нумизматический кабинет БГУ — 483 экз.; по 1 экз. осадного 10-грошовика — Владимиро-Суздальский музей-заповедник [Владимир] и частная коллекция [Одесса])...

Монетные клады беспристрастно отражают конкретное содержание и закономерности денежного обращения; внутренние и международные экономические, политические и культурные контакты той или иной страны в определенный период; дают представление о денежных системах держав, как экспортировавших монету, так и ввозивших ее.

Один или несколько кладов не в состоянии выразить всю сложность и многогранность товарно-денежных отношений рынка, памятниками которого они являются, поэтому в нумизматических исследованиях эффективен лишь метод, основанный на анализе многих десятков-сотен кладов и их топографировании.

В отличие от археологических артефактов, добываемых путем планомерных раскопок, превращение тайного сокровища в находку — результат совпадения целого ряда случайностей. Случайно

116

то, что в свое время кубышка с монетами была спрятана именно в этом, а не ином месте; случайно то, что ее владелец не смог использовать накопленные деньги; случайно, наконец, то, что лемех плуга, ковш экскаватора или лопата землекопа вывернули именно тот пласт земли, который ранее уже был потревожен при сокрытии сокровища.

Познавательная значимость открываемых денежных захоронений прямо пропорциональна степени их последующей сохранности. К сожалению, клады, попадающие на стол исследователя в первоначальном виде — явление крайне редкое. Как правило, они частично или целиком расходятся по рукам, становятся объектами купли-продажи и, расплываясь по частным коллекциям, депаспортизируются и гибнут для науки так же, как погибли некогда для своих несчастливых хозяев.

В сложившейся ситуации Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия» демонстрирует свою несостоятельность. Необходимость внесения в него радикальных изменений — очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

[Богданович А. Е.]. Пережитки древнего мирозозерцания у белорусов. Этнографический очерк А. Е. Богдановича. Гродно, 1895.

[Добровольский В.Н.]. Смоленский этнографический сборник. Составил В. Н. Добровольский. Ч. I // Записки Императорского Русского Географического общества. Т. XX. СПб., 1891.

[Никифоровский Н.Я.]. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.

[Чубинский П. П.]. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край... Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. Т. III. Народный дневник. СПб., 1872.

[Шейн П. В.]. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. Сборник П. В. Шейна. СПб., 1874.

[Шейн П. В.]. Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Записки Императорского Русского Географического общества. Т. V. СПб., 1873.

[Шейн П. В.]. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собранные и приведенные в порядок. П. В. Шейном. Т. I—III. СПб., 1887, 1893, 1903.

Анимеле П. Быт белорусских крестьян. // Этнографический сборник, изданный Российским географическим обществом. Вып. II. СПб., 1854.

Берман И. Календарь по народным приметам в Воложинском приходе Ошмянского уезда Виленской губернии // Записки Российского Географического общества. Т. V. СПб., 1873.

117

Бывалькевич П. Иван Купала в д. Углах Слуцкого уезда Минской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1891. № 4.

- Васильева А. Я. Легенды и поверья в Минской губернии // Минские губернские ведомости. 1879. № 11 (17 марта).
- Дмитриев А. А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1869.
- Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. 12. СПб., 1857.
- Крачковский Ф. Быт Западно-русского крестьянства. М., 1874.
- Ліс А. С. Беларускі фальклор. Мн., 1977.
- Ляцкий Е. А. Представление белоруссов о нечистой силе // Этнографическое обозрение. № 4. М., 1890.
- Никифоровский Н. Я. Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Кн. 2. Вильна. 1927.
- Никифоровский Н. Я. Нечистики. Свод простонародных сказаний о нечистой силе. Витебск, 1907.
- Носович И. И. Белорусские песни // Записки Императорского Русского Географического общества. Т. V. СПб., 1873.
- Носович И. И. Сборник белорусских пословиц // Записки Императорского Русского Географического общества. Т. I. СПб., 1867.
- Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1879.
- Романов Е. Р. Белорусский сборник. Губерния Могилевская. Т. I. Вып. 3. Сказки бытовые, юмористические и сатирические. Витебск, 1887.
- Сержпутовский А. Прымхі і забавы беларусаў-палешукоў. Л., 1930.
- Сержпутовский А. Сказки и рассказы белорусов из Слуцкого уезда. Мн., 1926.
- Сказки, легенды, песни купальские. Минская старина // Труды Минского Церковного историко-археологического комитета. Вып. II. Мн., 1911.
- Фалютынский К. Народные праздники, увеселения, поверья и суеверные обряды жителей Белоруссии // Вестник Европы. М., 1878 (март-апрель).
- Шлюбскі А. Матар'ялы да вывучэння фальклёру і мовы Віцебшчыны / Інстытут Беларускае культуры. Беларуская этнаграфія ў досьледах і матар'ялах. Кніга I. Адзел гуманітарных навук, катедра этнаграфіі. Мн, 1927.

* * *

- Добровольский И., Рябцевич В. Н. Козьянковский клад куфических дирхамов // Rozwoj muzealnictwa i kolekcjonerstwa numizmatycznego — dawniej i dziś — na Białorusi, Litwie, w Polsce i Ukrainie. Materiały z II Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 1997.
- Иов О. В., Рябцевич В. Н. Клад конца IX в. с Брилевского поля / Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.
- Колобова И. Н. Рогачевский монетный клад 1971 г. / Старажытнасці Рагачоўшчыны. Рагачоў, 2000.
- Колобова И.Н., Рябцевич В. Н. Фальсификация шиллингов Ливонского ордена в Полоцке конца XV — первой половины XVI в. / Нумизматика на рубеже веков. Труды Государственного исторического музея. Вып. 125. Нумизматический сборник. Ч. XV. М., 2001.

- Потин В. М. Монеты, клады, коллекции. СПб., 1993.
- Рябцэвіч В. Н. Манетныя скарбы Мядзельшчыны / Памяць. Мядзельскі раён. Мн., 1998.
- Рябцевич В. Н. Византийские монеты в денежном обращении на территории Древней Руси IX — первой половины XII вв. / Беларуская-грэчаскія ўзаемасвязі ад старажытнасці да сучаснасці. Мн., 2000.
- Рябцевич В. Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X — начала XIV вв. // Гістрычна-археалагічны зборнік. № 15. Мн., 2000.
- Рябцевич В. Н. Денежные депозиты XIV—XV вв. на территории Могилевщины / Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Ч. 1. Магілёў, 2003.
- Рябцевич В. Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. // Нумизматика и сфрагистика. Т. 3. Киев, 1968.
- Рябцевич В. Н. Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX—X вв.) / Славяне и их соседи (Археология, нумизматика, этнология). Мн., 1998.
- Рябцевич В. Н. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв. // Нумизматика и сфрагистика. Т. 2. Киев, 1965.
- Рябцевич В. Н. Куфические дирхемы на территории Белоруссии / Древности Белоруссии. Мн., 1968.
- Рябцевич В. Н. Монетные клады Браสลавщины / Браслаўскія чытанні. Браслаў. 1997.
- Рябцевич В. Н. Монетные клады второй четверти XVIII в. — первой половины XIX в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика. Т. 5. Киев, 1984.

- Рябцевич В. Н. Монетные клады XVII и первой половины XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика. Т. 1. Киев, 1963.
- Рябцевич В. Н. Находки античных монет на территории Белоруссии / Вопросы истории. Мн., 1968.
- Рябцевич В. Н. Монеты Брилевского денежно-вещевого комплекса конца IX в. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 17. Мн., 2002.
- Рябцевич В. Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ / Вопросы истории древнего мира и средних веков. Мн., 1970.
- Рябцевич В. Н. «Новые» куфические дирхамы из дер. Брили / Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003.
- Рябцевич В. Н. Нумизматика Беларуси. Мн., 1995.
- Рябцевич В. Н. Про складання нумізматичної карти // Українські історичний журнал. № 2. Київ, 1966.
- Рябцевич В. Н. Раковецкий клад / Научная сессия, посвященная проф. Д. Г. Капанадзе. Тбилиси, 1972.
- Рябцевич В. Н. Чому і як утворились скарби // Українські історичний журнал. № 1. Київ, 1967.
- Рябцевич Д. В. Монетные клады Рогачевщины / Старажытнасці Рагачоўшчыны. Рагачоў, 2000.
- Grierson Ph. Numismatics. Cambridge, 1975.

119

- Kiersnowski R. PieniŃdz kruszczowy w Polsce wczesnoŃredniowiecznej. Warszawa, 1960.
- Kiersnowski R. W sprawie systematyki trydei numizmatycznych / Wieki Ńrednie. Warszawa, 1962.
- Luschin von Ebengreuth A. Allgemeine MŃnzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der Neueren Zeit. MŃnchen-Berlin, 1926.
- Mateu y Llopis F. Rapport sur les trouvailles monetaires / Congres International de numismatique. Paris, 1953.
- Potin V. M. Systematisierung der MŃnzfunde und ihre Bedeutung fŃr die numizmatische Forschung / Actes 8-eme Congres International de numismatique. Paris-Bale, 1976.
- Stenberger M. Die Schatzfunden Gotlands der Vikingerzeit. Bd. I. Stockholm-Uppsala, 1958.
- Tabaczyski S. Zagadnienie klasyfikacji wczesnoŃredniowiecznych znalezisk pieniŃdza kruszczowego w Polsce // WiadomoŃci numizmatyczne. Zesz. 1—2. Warszawa, 1959.
- Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.
- Werner J. MŃnzdatierte Austrasische Grabfunde. Berlin-Leipzig, 1935.

120